

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ / SOCIAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0105>
УДК/UDC 159.22.4, 316.61, 159.923.2

Контекстуальные и индивидуально-личностные предикторы адаптации русских в Эстонии и Кыргызстане

А.В. Трифонова , Н.М. Лебедева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

 avtrifonova@hse.ru

Резюме

Актуальность. Выбор стратегии аккультурации и успешность адаптации к инокультурной среде зависят как от индивидуально-личностных характеристик участников межкультурного взаимодействия, так и от особенностей контекста. В связи с этим, актуальным представляется применение единого комплексного подхода для изучения взаимного вклада контекстуальных и индивидуально-личностных факторов в успешность аккультурации мигрантов и меньшинств.

Цель. Выявление комплексных личностно-контекстуальных предикторов адаптации русских в Эстонии и Кыргызстане, а также выявление взаимосвязей этих комплексных предикторов со стратегиями аккультурации и психологическим благополучием русских в этих республиках.

Выборка. В исследовании приняли участие 302 русских жителя Эстонии ($M_{\text{возраст}} = 37,51$; $SD = 16,55$; 52% — женщины) и 300 русских жителей Кыргызстана ($M_{\text{возраст}} = 35,56$; $SD = 17,40$; 64,8% — женщины).

Методы. Использовались шкалы из опросника MIRIPS, авторские методики для измерения идентичностей и межкультурных установок, разработанные в ЦСКИ НИУ ВШЭ, и шкала локальной идентичности О. Дроселтис и В.Л. Вигнолес.

Результаты. Выявлены три комплексных предиктора адаптации в каждой стране: воспринимаемая инклюзивность контекста, этнокультурная самобытность и близость к принимающей стране. Все комплексные предикторы в обеих странах положительно связаны с удовлетворенностью жизнью, а в Эстонии — с самоуважением. В обеих странах воспринимаемая инклюзивность контекста и близость к принимающей стране отрицательно связаны с сепарацией и положительно — с интеграцией, этнокультурная самобытность положительно связана с сепарацией. Культурно-специфическими связями для Кыргызстана являются: положительные связи между этнокультурной самобытностью и стратегией интеграции и между близостью к принимающему обществу и стратегией ассимиляции.

Выводы. Исследование взаимного вклада индивидуально-личностных и контекстуальных характеристик в успешность адаптации к инокультурной среде способствует более глубокому пониманию аккультурации как сложного динамического процесса, компоненты которого находятся в постоянном взаимодействии друг с другом.

Ключевые слова: адаптация, контекст аккультурации, идентичности, психологическое благополучие, русские, Эстония, Кыргызстан

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 20-18-00268.

Для цитирования: Трифонова, А.В., Лебедева, Н.М. (2024). Контекстуальные и индивидуально-личностные предикторы адаптации русских в Эстонии и Кыргызстане. *Национальный психологический журнал*, 19(1), 77–89. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0105>

Contextual and Individual-Personal Predictors of Russians' Adaptation in Estonia and Kyrgyzstan

Anastasia V. Trifonova ✉, Nadezhda M. Lebedeva

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

✉ avtrifonova@hse.ru

Abstract

Background. Acculturation strategy choice and success of adaptation to new cultural environment depend both on individual characteristics of participants of intercultural interaction and on characteristics of the context. In this regard, it is important to apply an integrated approach to study the mutual contribution of contextual and individual-personal predictors of acculturation.

Objective. The study aims at identifying complex contextual and individual-personal predictors of adaptation of Russians in Estonia and Kyrgyzstan, and revealing relationship between these complex predictors, acculturation strategies, and psychological well-being of Russians in these republics.

Study Participants. The sample consisted of 302 Russians in Estonia ($M_{age} = 37.51$; $SD = 16.55$; 52% females) and 300 Russians in Kyrgyzstan ($M_{age} = 35.56$; $SD = 17.40$; 64,8% females).

Methods. We used scales from the MIRIPS questionnaire, instruments for measuring identities and intercultural attitudes developed in CSCR of HSE, and local identity scale by O. Droseltis and V.L. Vignoles.

Results. The study revealed three complex predictors of adaptation in each country: perceived inclusiveness of context, ethnocultural identity and closeness to host country. These three complex factors in both countries were positively associated with life satisfaction, and in Estonia with self-esteem as well. Perceived inclusiveness of the context and closeness to host country negatively related to separation and positively related to integration, ethno-cultural identity positively related to separation. In Kyrgyzstan we also revealed culture-specific positive links between ethno-cultural identity and integration and between closeness to host society and assimilation.

Conclusion. The study of the mutual contribution of personal and contextual characteristics to success in adaptation to new cultural environment contributes to a deeper understanding of acculturation as a complex dynamic process, the components of which are in constant interaction with each other.

Keywords: adaptation, context of acculturation, identities, psychological well-being, Russians, Estonia, Kyrgyzstan

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 20-18-00268.

For citation: Trifonova, A.V., Lebedeva, N.M. (2024). Contextual and individual-personal predictors of Russians' adaptation in Estonia and Kyrgyzstan. *National Psychological Journal*, 18(4), 77–89. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0105>

Введение

В последние десятилетия наблюдается рост интереса социально-психологической науки к проблемам аккультурации мигрантов и этнических меньшинств. Исследования показывают, что процесс аккультурации и его результаты во многом зависят как от индивидуально-личностных характеристик участников межкультурного взаимодействия, так и от особенностей социокультурного контекста, в рамках которого оно разворачивается (Ward, Geeraert, 2016). Зачастую, однако, исследователи рассматривают индивидуально-личностные и контекстуальные факторы по отдельности. Между тем, в реальной жизни эти факторы, будучи тесно взаимосвязанными, как правило, работают вместе, что обуславливает необходимость комплексного индивидуально-личностного и контекстно ориентированного подхода к проблемам аккультурации и адаптации мигрантов и меньшинств.

В поисковом эмпирическом исследовании мы приняли попытку соединить индивидуально-личностные и контекстуальные характеристики в единые комплексные переменные, которые могли бы выступить предикторами выбора стратегий аккультурации и показателей психологического благополучия среди русских в Эстонии и Кыргызстане. После распада СССР русские жители этих стран были вынуждены адаптироваться к резко изменившимся условиям независимых республик. В настоящее время русская диаспора в Эстонии насчитывает 322,7 тыс. человек (24,3% от общей численности населения) (Estonian Statistical Office, 2020), а в Кыргызстане — 341,4 тыс. человек (5,1% от общей численности населения) (Национальный..., 2021), а потому сравнительное исследование факторов, способствующих успешной адаптации русских в этих странах, представляется важным и актуальным.

В настоящем исследовании в качестве индивидуально-личностных предикторов адаптации мы рас-

смаатриваем разные виды социальной идентичности и прескриптивные межкультурные установки. В качестве контекстуальных предикторов выступают субъективно воспринимаемые особенности контекста аккультурации — дискриминация, безопасность, культурная близость, проницаемость границ и дескриптивные межкультурные установки. Исследователи подчеркивают, что важную роль в аккультурации играют не только контекстуальные факторы сами по себе, но и их субъективное восприятие со стороны участников межкультурного взаимодействия (Zagefka, Brown, 2002). Человек смотрит на мир через призму социальных идентичностей и установок. В связи с этим, важное значение приобретает изучение совместного вклада воспринимаемых контекстуальных факторов, а также индивидуально обусловленных предикторов — разных видов социальной идентичности и прескриптивных (идеальных, нормативных) межкультурных установок — в успешность адаптации. Ниже представлен краткий обзор этих факторов.

Индивидуально-личностные факторы

Идентичности. Идентификация с той или иной социальной группой может оказывать значимое влияние на то, как человек воспринимает окружающую его действительность, обуславливая тем самым выбор аккультурационной стратегии и психологическое благополучие индивида (Raudsepp, 2009). Среди представителей этнических меньшинств ярко выраженная этнокультурная идентичность работает на сохранение своей культуры (Verkuyten, Thijs, 2002), способствуя выбору стратегий сепарации или интеграции в зависимости от особенностей социокультурного контекста. Идентификация со страной проживания, в свою очередь, работает на сближение с принимающим обществом (Рябиченко и др., 2019). Характер взаимосвязи между разными видами социальной идентичности и показателями психологического благополучия также зависит от контекста: так, например, этническая идентичность может быть как положительно, так и отрицательно связана с психологическим благополучием (Smith, Silva, 2011). Позитивные последствия бикультурной идентичности проявляются лишь в контекстах, характеризующихся низкой дискриминацией, а при высоких уровнях дискриминации бикультурная идентичность может быть связана с большей уязвимостью (Kus-Harbord, Ward, 2015).

Прескриптивные межкультурные установки. Это индивидуально-личностные представления индивида о том, как должны быть устроены взаимоотношения между этническими группами в поликультурном обществе (Wolsko et al., 2006). Ориентация на культурное многообразие облегчает адаптацию индивида к инокультурной среде, способствуя сохранению культуры своей этнической группы и обеспе-

чивая более позитивное восприятие представителей аут-группы и этнических различий в целом (Wolsko et al., 2006). Это, в свою очередь, может способствовать сохранению психологического благополучия мигрантов и меньшинств. Исследования показывают, что поддержка мультикультурной идеологии положительно связана с самоуважением и удовлетворенностью жизнью (Hui et al., 2015; Verkuyten, 2009).

Контекстуальные факторы

Воспринимаемая дискриминация. Восприятие себя в качестве объекта несправедливого отношения со стороны большинства затрудняет адаптацию индивида к инокультурной среде, ухудшая показатели психологического благополучия (Berry, Hou, 2016). Воспринимаемая дискриминация увеличивает идентификацию с ин-группой и ослабляет идентификацию с принимающим обществом (Verkuyten, Martinovic, 2012).

Воспринимаемая безопасность. Отсутствие чувства безопасности затрудняет психологическую адаптацию мигрантов и меньшинств: чем выше воспринимаемая угроза, тем ниже показатели психологического благополучия (Schmid, Muldoon, 2015). Кроме того, воспринимаемая угроза может оказывать влияние на выбор аккультурационной стратегии, усиливая идентификацию с ин-группой (Verkuyten, Thijs, 2002). Ощущение угрозы оказывает влияние на то, как человек строит свои отношения с принимающей страной. Среди русских в Эстонии символическая угроза (воспринимаемое ассимиляционное давление) со стороны большинства снижает чувство принадлежности к стране (Nimmerfeldt, 2011).

Воспринимаемая культурная дистанция между принимающим обществом и родной культурой. Воспринимаемая культурная близость между принимающим обществом и родной культурой может способствовать большему принятию представителей аутгруппы, помогая формированию установок на интеграцию, в то время как воспринимаемая инаковость этнического большинства может вести к выбору стратегий сепарации и маргинализации (Piontkowski et al., 2000). Воспринимаемая культурная дистанция может предсказывать успешность психологической адаптации: чем больше дистанция между культурами, тем сложнее проходит процесс адаптации к инокультурной среде (Ward, Geeraert, 2016).

Воспринимаемая проницаемость границ. Это воспринимаемая возможность перехода из одной социальной группы в другую. Разное восприятие проницаемости межгрупповых границ может быть связано с различиями в аккультурационных предпочтениях (Piontkowski et al., 2000). Среди представителей этнических меньшинств восприятие межэтнических границ как стабильных, легальных и проницаемых работает на сближение с принимающим обществом и дистанцирование от своей этнической группы (Verkuyten, Reijerse, 2008). В то же время субъективная непроницаемость границ может способствовать усилению идентификации со своей этнической груп-

пой (Verkuyten, Martinovic, 2012). Кроме того, субъективное восприятие проницаемости межгрупповых границ является важным предиктором успешности психологической адаптации к инокультурной среде (Terry et al., 2006).

Дескриптивные межкультурные установки. Это оценочные представления индивида о том, как в реальности устроены взаимоотношения между этническими группами в поликультурном обществе. Эти представления, как правило, основаны на повседневном межкультурном опыте индивида, включающем в себя не только впечатления от непосредственного взаимодействия с представителями других культур, но и субъективную интерпретацию процессов, протекающих в обществе в целом (Watters et al., 2020). Воспринимаемая ориентация принимающего общества на мультикультурализм у представителей недоминантных групп положительно связана с психологическим благополучием и чувством близости к принимающей стране (Ward et al., 2020).

Цель исследования

Настоящее исследование является поисковым и направлено на кросс-страновое изучение комплексных личностно-контекстуальных предикторов адаптации русских в Эстонии и Кыргызстане.

Задачи исследования

— выявление комплексных личностно-контекстуальных предикторов адаптации русских в Эстонии и Кыргызстане;

— выявление взаимосвязей этих комплексных предикторов со стратегиями аккультурации и психологическим благополучием русских в данных республиках.

Исходя из вышеназванных задач исследования, мы сформулировали следующие *исследовательские вопросы*:

ИВ1: образуют ли индивидуально-личностные и контекстуальные предикторы адаптации единую структуру факторов?

ИВ2: являются ли комплексные личностно-контекстуальные факторы предикторами выбора стратегий аккультурации и психологического благополучия русских в Эстонии и Кыргызстане?

Выборка

Социально-психологический опрос проводился среди русских Эстонии и Кыргызстана. Для привлечения респондентов использовались стратегии «удобной выборки» и «снежного кома». Выборку составили 302 русских Эстонии ($M = 37,51$; $SD = 16,55$; 52% — женщины) и 300 русских Кыргызстана ($M = 35,56$; $SD = 17,40$, 64,8% — женщины).

Методы исследования

Идентичности

Для измерения этнической и гражданской идентичностей использовались шкалы из опросника MIRIPS, широко применяемые в последние 20 лет более чем в 20 странах (Berry, 2017), и адаптированные для использования на российской выборке (Лебедева, Татарко, 2009). Религиозная, советская и европейская идентичности измерялись с помощью модифицированных вопросов из опросника MIRIPS (Berry, 2017) и шкалы М. Веркайтена (Verkuyten, 2007), адаптированных для использования в России (Велкова, 2020). Также мы использовали шкалу локальной идентичности (Droseltis, Vignoles, 2010). Каждая шкала включала 4 пункта, например: «Я считаю себя русским» (этническая идентичность), все $\alpha > 0,85$.

Прескриптивные межкультурные установки (идеальный мультикультурализм) измерялись с помощью краткой версии пересмотренной шкалы мультикультурной идеологии (rMCI) (Berry, 2020), 8 пунктов, например: «Было бы хорошо, если бы все этнические группы в Эстонии/Кыргызстане сохраняли свои культуры», $\alpha > 0,73$.

Воспринимаемая дискриминация измерялась с помощью шкалы из опросника MIRIPS (Berry, 2017), адаптированной на российской выборке (Лебедева, Татарко, 2009), 5 пунктов, например: «Ко мне несправедливо относились на работе или во время учебы из-за моей национальности», $\alpha > 0,78$.

Воспринимаемая безопасность измерялась с помощью шкалы из опросника MIRIPS (Berry, 2017), адаптированной на российской выборке (Лебедева, Татарко, 2009), мы использовали 6 пунктов, например: «Я считаю, что Эстония/Кыргызстан сегодня безопасное место для жизни», $\alpha > 0,52$. Низкая согласованность шкалы безопасности может быть объяснена многомерностью измеряемого конструкта: 6 вопросов фиксируют физическую, экономическую и культурную безопасность (по 2 вопроса на каждую субшкалу).

Воспринимаемая культурная дистанция, 12 пунктов. Используя 5-балльную шкалу, от «1» — «очень непохожи» до «5» — «очень похожи», респонденты оценивали, насколько похожими или отличными в России и в Эстонии/Кыргызстане являются разные показатели, например: прием пищи, отношение к женщине, ценности, $\alpha > 0,84$.

Воспринимаемая проницаемость границ, 4 пункта, например: «Русскому человеку быть принятым в эстонское/кыргызское общество...». Для ответов использовалась 5-балльная шкала, от «1» — «очень трудно» до «5» — «очень легко», $\alpha > 0,86$.

Дескриптивные межкультурные установки (реальный мультикультурализм), измерялись с помощью модифицированных вопросов из краткой версии пересмотренной шкалы мультикультурной идеологии

(гMCI) (Berry, 2020), 8 пунктов, например: «В Эстонии/Кыргызстане отношение к людям не зависит от их этнической принадлежности», $\alpha > 0,77$.

Стратегии аккультурации (Berry, 2017; Лебедева, Татарко, 2009) измерялись с помощью 3 шкал — ассимиляции, интеграции и сепарации. Каждая шкала включала в себя 4 пункта, например: «Для меня важно владеть в совершенстве и русским, и эстонским/кыргызским языками» (стратегия интеграции), все $\alpha > 0,44$.

Самоуважение (Лебедева, Татарко, 2009), 4 пункта из шкалы М. Розенберга, например: «В целом, я удовлетворен собой», $\alpha > 0,81$.

Удовлетворенность жизнью (Лебедева, Татарко, 2009), 4 пункта из шкалы Э. Динера, например: «Во многом, моя жизнь близка к идеалу», $\alpha > 0,79$.

Для ответов респонденты использовали 5-балльную шкалу от «1» — «Полностью не согласен», до «5» — «Полностью согласен» (кроме случаев, оговоренных выше).

Результаты

Для снижения количества факторов успешной адаптации мы провели эксплораторный анализ, используя метод главных компонент с вращением Варимакс. Для определения числа факторов использовался критерий Кеттела и результаты параллельного анализа. В Эстонии мы выделили 3 фактора, объясняющие 49,5% дисперсии (Таблица).

Таблица

Результаты эксплораторного анализа контекстуальных и индивидуально-личностных предикторов адаптации русских в Эстонии / Кыргызстане

	Факторные нагрузки*		
	Воспринимаемая инклюзивность контекста	Близость к Эстонии / Кыргызстану	Этнокультурная самобытность
Идентичности			
Этническая			0,77 / 0,66
Гражданская		0,75 / 0,75	
Религиозная			0,67 / 0,76
Советская	- / -0,34	-0,41 / -	0,66 / 0,56
Европейская		0,71 / -	- / 0,52
Локальная		0,67 / 0,83	
Безопасность			
Культурная	0,59 / 0,52		-0,36 / -0,48
Экономическая	0,71 / 0,76		
Физическая	0,32 / 0,56	0,57 / -	
Межкультурные установки			
Прескриптивные (идеал)	- / -0,36	- / 0,45	0,30 / -
Дескриптивные (реальность)	0,64 / 0,50	- / 0,43	
Проницаемость границ	0,76 / 0,78		
Дискриминация	-0,60 / -0,64		
Культурная близость	- / 0,31	- / 0,34	0,54 / -

*показаны только факторные нагрузки выше 0,30

Высокие нагрузки по первому фактору имеют такие переменные как *проницаемость границ*, *экономическая безопасность*, *дескриптивный мультикультурализм*, *воспринимаемая дискриминация* (с отрицательным знаком) и *культурная безопасность*. Условно этот фактор можно назвать «*Воспринимаемая инклюзивность контекста*». Он объясняет 25,1% дисперсии.

Наибольшие нагрузки по второму фактору имеют *гражданская*, *европейская*, *локальная идентичности* и *физическая безопасность*. С умеренной нагрузкой в этот фактор вошла также *советская идентичность* (с отрицательным знаком). Второй фактор получил условное название «*Близость к Эстонии*». Он объясняет 15,3% дисперсии.

Table
Results of an exploratory analysis of contextual and individual-personal predictors of adaptation of Russians in Estonia / Kyrgyzstan

	Factor loadings*		
	Perceived inclusiveness of context	Closeness to Estonia / Kyrgyzstan	Ethnocultural identity
Identities			
Ethnic			0.77 / 0.66
National		0.75 / 0.75	
Religious			0.67 / 0.76
Soviet	- / -0.34	-0.41 / -	0.66 / 0.56
European		0.71 / -	- / 0.52
Local		0.67 / 0.83	
Security			
Cultural	0.59 / 0.52		-0.36 / -0.48
Economic	0.71 / 0.76		
Physical	0.32 / 0.56	0.57 / -	
Intercultural attitudes			
Prescriptive (ideal)	- / -0.36	- / 0.45	0.30 / -
Descriptive (reality)	0.64 / 0.50	- / 0.43	
Permeability of borders	0.76 / 0.78		
Discrimination	-0.60 / -0.64		
Cultural closeness	- / 0.31	- / 0.34	0.54 / -

*Only factor loadings higher than 0.30 are shown

В третий фактор с наибольшими нагрузками вошли *этническая, религиозная, советская идентичности и воспринимаемая культурная близость* между Россией и Эстонией. Умеренные нагрузки по этому фактору также демонстрируют *культурная безопасность* (с отрицательным знаком) и *прескриптивный мультикультурализм*. Условно он может быть назван «*Этнокультурная самобытность*». На долю этого фактора приходится 9,1% дисперсии.

В Кыргызстане мы также выделили 3 фактора, объясняющие 48,4% общей дисперсии (Таблица). Высокие нагрузки по первому фактору имеют такие переменные как *проницаемость границ, экономическая, физическая и культурная безопасность, воспринимаемая дискриминация* (с отрицательным знаком), а также *дескриптивный мультикультурализм*. Поскольку в Кыргызстане, как и в Эстонии, высокие нагрузки по первому фактору имеют индикаторы открытости принимающего общества, мы проинтерпретировали данный фактор как «*Воспринимаемая инклюзивность контекста*». В Кыргызстане первый фактор объясняет 22,7% дисперсии.

Во второй фактор с высокими нагрузками вошли *религиозная, этническая, советская и европейская идентичности*, а также *культурная безопасность* (с отрицательным знаком). Мы проинтерпретировали

второй фактор как «*Этнокультурная самобытность*». На его долю в Кыргызстане приходится 16,2% дисперсии.

Наибольшие нагрузки по третьему фактору имеют *локальная и гражданская идентичности*. С умеренными нагрузками в него также вошли *дескриптивный и прескриптивный мультикультурализм*, а также *воспринимаемая культурная близость* между Кыргызстаном и Россией. Мы проинтерпретировали данный фактор как «*Близость к Кыргызстану*». По якорным переменным (переменным с высокими нагрузками) он схож с фактором «*Близость к Эстонии*», полученным на эстонской выборке. В Кыргызстане третий фактор объясняет 9,4% дисперсии.

Для оценки конгруэнтности факторных структур, полученных на эстонской и кыргызской выборках, мы использовали индекс Тьюкера. Для *воспринимаемой инклюзивности контекста* значение этого показателя составило 0,93, для *близости с принимающим обществом* — 0,67, для *этнокультурной самобытности* — 0,79. Таким образом, лишь фактор *воспринимаемой инклюзивности контекста* удовлетворяет условию, позволяющему говорить о достаточном сходстве факторных структур в разных этнокультурных контекстах (He, van de Vijver, 2012).

С помощью моделирования структурными уравнениями мы проанализировали взаимосвязь между комплексными факторами адаптации русских в Эстонии и Кыргызстане, их аккультурационными стратегиями и психологическим благополучием.

В Эстонии модель (Рисунок 1) продемонстрировала приемлемые показатели пригодности: $\chi^2/df = 2,80$, CFI = 0,98, SRMR = 0,03, RMSEA = 0,08, PCLOSE = 0,14. *Воспринимаемая инклюзивность* контекста значимо отрицательно связана с установкой на сепарацию и положительно (на уровне тенденции, $p = 0,8$) — с уста-

новкой на интеграцию. *Близость к Эстонии* значимо положительно связана с установкой на интеграцию и значимо отрицательно — с установкой на сепарацию. *Этнокультурная самобытность* значимо положительно связана с установкой на сепарацию. Нами также были выявлены положительные взаимосвязи всех комплексных личностно-контекстуальных факторов с удовлетворенностью жизнью и самоуважением. Из аккультурационных стратегий только установка на ассимиляцию у русских в Эстонии отрицательно связана с самоуважением.

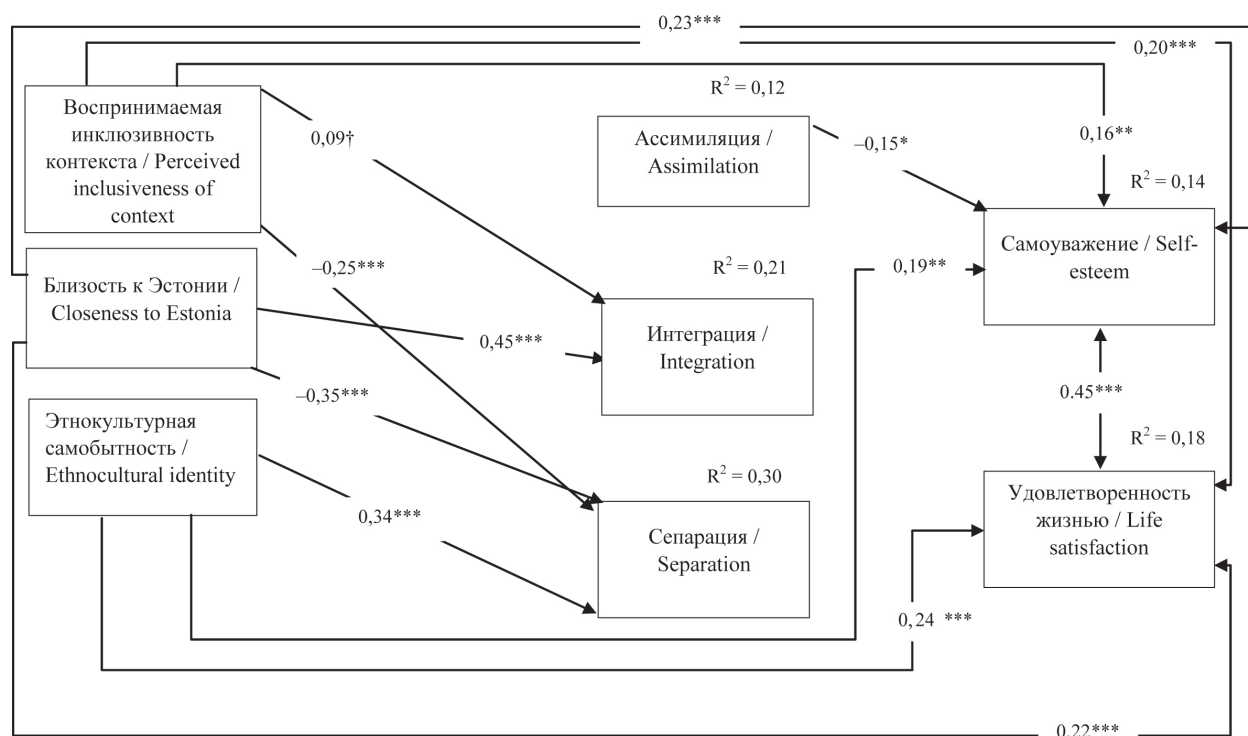

Рисунок 1

Взаимосвязь между комплексными факторами адаптации, аккультурационными стратегиями и психологическим благополучием русских в Эстонии (показаны только значимые связи)

Figure 1

Relationship between complex factors of adaptation, acculturation strategies and psychological well-being of Russians in Estonia (only significant relationships are shown)

В Кыргызстане модель (Рисунок 2) продемонстрировала хорошие показатели пригодности: $\chi^2/df = 0,57$, CFI = 1,00, SRMR = 0,01, RMSEA = 0,00, PCLOSE = 0,92. *Воспринимаемая инклюзивность контекста* значимо отрицательно связана с установкой на сепарацию и значимо положительно — с установкой на интеграцию, в целом, как и в Эстонии, но положительная связь с интеграцией здесь более ярко выражена. *Этнокультурная самобытность* значимо положительно связана с установкой на сепарацию и положительно на уровне тенденции ($p = 0,07$) — с установкой на интеграцию. *Близость к Кыргызстану* значимо поло-

жительно связана с установками на интеграцию и ассимиляцию и значимо отрицательно — с установкой на сепарацию. Здесь также были выявлены положительные взаимосвязи всех комплексных факторов с удовлетворенностью жизнью. С самоуважением положительно связаны *воспринимаемая инклюзивность контекста* и *близость к Кыргызстану*. Установка на сепарацию у русских в Кыргызстане положительно связана с самоуважением, а установка на ассимиляцию отрицательно связана с самоуважением. Установка на интеграцию положительно связана с удовлетворенностью жизнью.

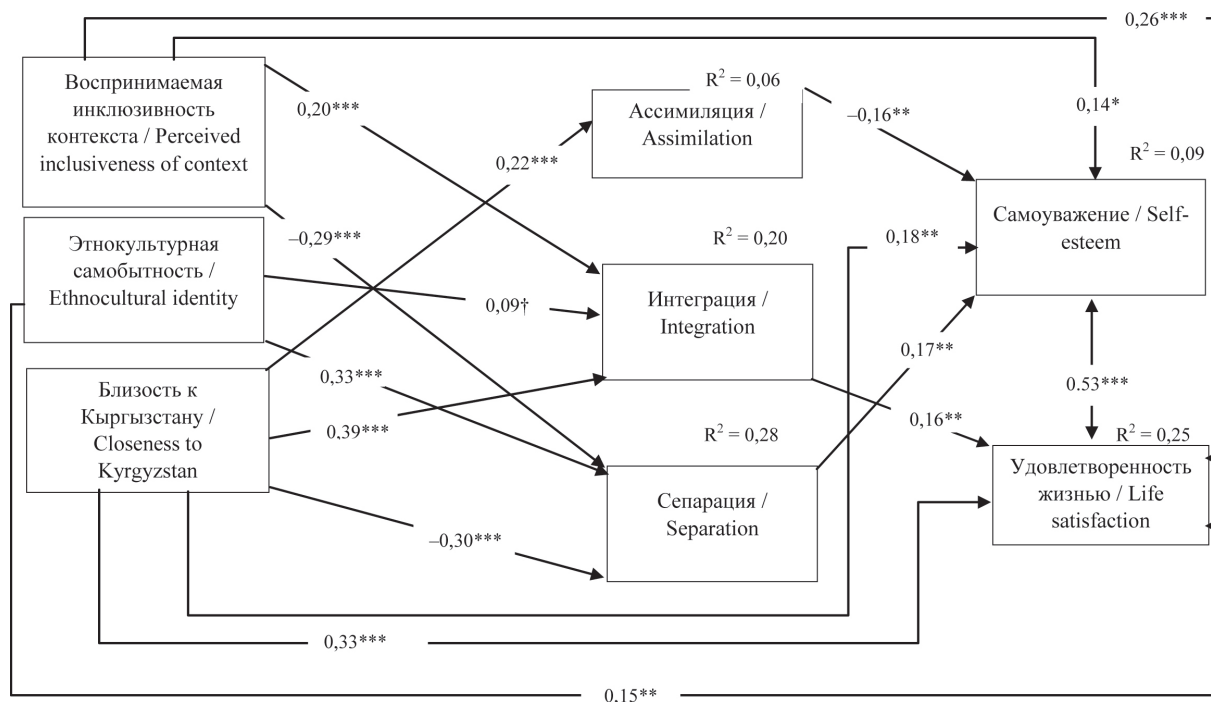

Рисунок 2

Взаимосвязь между комплексными факторами адаптации, аккультурационными стратегиями и психологическим благополучием русских в Кыргызстане (показаны только значимые связи)

Figure 2

Relationship between complex factors of adaptation, acculturation strategies and psychological well-being of Russians in Kyrgyzstan (only significant relationships are shown)

Обсуждение

Настоящее эмпирическое исследование было направлено на изучение комплексных личностно-контекстуальных предикторов адаптации русских в Эстонии и Кыргызстане.

Отвечая на первый исследовательский вопрос, мы выявили три комплексных фактора в каждой стране. Ими стали *воспринимаемая инклюзивность контекста*, *этнокультурная самобытность* и *близость к принимающей стране*.

В первый фактор в обеих странах вошли переменные, измеряющие *воспринимаемую инклюзивность контекста* — экономическая безопасность, проницаемость границ, воспринимаемая дискриминация (с отрицательным знаком) и дескриптивный мультикультурализм. Этот фактор продемонстрировал высокую конгруэнтность факторной структуры в рассматриваемых контекстах, что позволяет говорить об достаточной эквивалентности этого фактора в Эстонии и Кыргызстане. Таким образом, у русских в обеих странах открытость принимающего обще-

ства ассоциируется с распространенностью в нем мультикультурных идеологий и практик, позволяющих представителям этнических меньшинств быть включенным в это общество, активно участвовать в его жизни наравне с представителями титульного населения и иметь равный доступ к материальным и нематериальным ресурсам. Иными словами, под инклюзивным социокультурным контекстом в обеих странах понимается контекст, открывающий возможности прежде всего для структурной интеграции меньшинств, то есть их социально-экономической включенности в основные институты принимающего общества (Bosswick, Neckmann, 2006).

Второй фактор демонстрирует самую низкую конгруэнтность факторной структуры: для русских в Эстонии и Кыргызстане близость к принимающему обществу имеет несколько разное значение. С высокими нагрузками во второй фактор в обеих странах вошли лишь гражданская и локальная идентичности. Для русских Эстонии чувство общности с этой страной тесно связано с европейской идентичностью, чего не наблюдается в Кыргызстане. Важность европейской компоненты для русских в Эстонии отмечалась и в

предыдущих исследованиях (Cheskin, 2015; Valk, 2018). Советская идентичность является эксклюзивной в эстонском контексте: в сознании русских Эстонии близость к принимающей стране отрицательно связана с выраженностью советской идентичности. Негативное отношение эстонцев к советскому прошлому затрудняет интеграцию в эстонское общество тех, кто продолжает ощущать себя советским человеком (Cheskin, 2015). Отсюда — негативная связь советской идентичности и близости к Эстонии. Важное значение для чувства общности с Кыргызстаном у русских этой страны имеют их собственные мультикультурные установки и воспринимаемый мультикультурализм кыргызского общества. Другим важным фактором, дающим русским Кыргызстана чувство близости с этой страной, является воспринимаемая культурная близость между Россией и Кыргызстаном, вероятно, основанная на широком использовании русского языка в республике, где он является официальным языком, наряду с кыргызским. Это создает для русских вполне комфортную среду в плане образования на родном языке, социальной мобильности и доступа к ресурсам.

Третий фактор в обеих странах — *этнокультурная самобытность*. С высокими нагрузками и в Эстонии, и в Кыргызстане в него вошли этническая, религиозная и советская идентичности. Еще одним компонентом, связанным (отрицательно) с этнокультурной самобытностью в обеих странах, является культурная безопасность, что согласуется с результатами предыдущих исследований (Raudsepp, 2009). Этот фактор также демонстрирует слабую конгруэнтность факторной структуры в двух социокультурных контекстах, что свидетельствует о различном его восприятии со стороны русских в Эстонии и Кыргызстане. Для кыргызских русских важное значение имеет европейская идентичность — ощущение себя европейцами играет важную роль в контексте центральноазиатской республики (Kosmarskaya, 2014). Для эстонских русских чувство этнокультурной самобытности связано с прескриптивным (идеальным) мультикультурализмом. Положительная взаимосвязь ориентации на культурное многообразие с этнической идентичностью и позитивной этнической самооценкой характерна для мигрантов и меньшинств (Gale et al., 2021). По мнению экспертов, это может быть связано с тем, что идеология мультикультурализма поддерживает стремление к сохранению идентичности и культуры меньшинств, позволяя им «оставаться собой» в инокультурной среде (Wolsko et al., 2006).

Отвечая на второй исследовательский вопрос, мы проанализировали взаимосвязи комплексных факторов с аккультурационными стратегиями и психологическим благополучием русских в Эстонии и Кыргызстане. В обеих странах этнокультурная самобытность значимо положительно связана с установкой на сепарацию. Таким образом, восприятие себя частью русского / советского мира работает на сохранение культурной самобытности через отдале-

ние от принимающего общества. На позитивную взаимосвязь между этнической идентичностью (одним из ключевых индикаторов этнокультурной самобытности) и установкой на сепарацию указывают также результаты предыдущих исследований на постсоветском пространстве (Kodja, Ryabichenko, 2019). Примечательно, однако, что в Кыргызстане этнокультурная самобытность на уровне тенденции положительно связана с установкой на интеграцию, в то время как в Эстонии такой взаимосвязи не наблюдается. Различия во взаимосвязях этнокультурной идентичности со стратегией интеграции у русских в постсоветских странах фиксировались и ранее. Так, среди русских в Грузии этническая идентичность предсказывает интеграцию наряду с гражданской и локальной идентичностями, в то время как среди русских в Латвии она не входит в число предикторов интеграции (Рябиченко и др., 2019). Характер взаимосвязи между этнокультурной самобытностью и интеграцией может быть обусловлен особенностями социокультурных контекстов исследуемых стран. Так, некоторые эксперты объясняют «уход» этнокультурной идентичности из интеграционной сферы в странах Балтии ассимиляционным давлением со стороны принимающего общества (Рябиченко и др., 2019; Kus-Harbord, Ward, 2015). Результаты настоящего исследования позволяют предположить, что фактором, препятствующим интеграции русских в Эстонии, может быть советский компонент этнокультурной самобытности. Разное отношение к советскому прошлому у эстонцев и русских, сохраняющих советскую идентичность, препятствуют сближению последних с эстонским обществом. В Кыргызстане, по мнению экспертов, наблюдается более прагматичное отношение к советскому / русскому прошлому (Kosmarskaya, 2014), что, возможно, способствует большей открытости титульного населения по отношению к русской культуре, обеспечивая положительную взаимосвязь между этнокультурной самобытностью русских и стратегией интеграции.

Близость к принимающей стране в обеих странах положительно связана с установкой на интеграцию и отрицательно — с установкой на сепарацию. Кроме того, в Кыргызстане наблюдается положительная взаимосвязь с установкой на ассимиляцию. Еще в советское время жители балтийских и центральноазиатских республик ощущали себя «иными» русскими, значительно отличающимися от тех, кто живет в России (Cheskin, 2015). Процессы локализации этнического самосознания значительно усилились после распада Советского Союза и способствовали усилению чувства солидарности, близости с принимающим населением постсоветских стран. Локальная и гражданская идентичности в обеих странах носят инклюзивный характер, повышая чувство принадлежности к стране проживания. В Эстонии их подкрепляют европейская идентичность и физическая безопасность, в Кыргызстане — мультикультурализм,

а также воспринимаемая культурная близость между Кыргызстаном и Россией.

Воспринимаемая инклюзивность принимающего общества в обеих странах отрицательно связана с сепарацией, что согласуется с результатами предыдущих исследований (Лепшокова, 2020). Чем более инклюзивным ощущается принимающее общество, тем ниже установка на дистанцирование от него, и наоборот. В Кыргызстане воспринимаемая инклюзивность контекста положительно связана с интеграцией. В Эстонии данная связь также является положительной, но она наблюдается лишь на уровне тенденции.

Что касается психологического благополучия, то и в Эстонии, и в Кыргызстане мы выявили положительные связи комплексных факторов с удовлетворенностью жизнью. Кроме того, все три комплексных фактора в Эстонии были связаны с самоуважением русских. В Кыргызстане наблюдалась положительная связь самоуважения с воспринимаемой инклюзивностью контекста и близостью к Кыргызстану.

Таким образом, мы можем говорить об адаптивной функции выявленных нами комплексных факторов. Полученные результаты согласуются с результатами предыдущих исследований, отмечающих важную роль воспринимаемой инклюзивности контекста, этнической идентичности и чувства принадлежности к принимающему обществу в адаптации мигрантов и меньшинств (Nimmerfeldt, 2011; Smith, Silva, 2011; Лепшокова, 2020).

Ограничение

Одним из главных ограничений настоящего исследования является узкий набор индивидуально-личностных факторов, рассматриваемых в качестве предикторов адаптации индивида к инокультурной среде. Помимо идентичностей и прескриптивных

межкультурных установок, важную роль в процессе аккультурации могут играть ценности, черты личности, самоэффективность и другие индивидуально-личностные характеристики участников аккультурационного процесса. В связи с этим перспективным представляется расширение набора индивидуально-личностных предикторов адаптации в дальнейших исследованиях. Включение в анализ дополнительных контекстуальных факторов, таких как воспринимаемые аккультурационные ожидания принимающего общества, воспринимаемая легитимность межгруппового контекста и т.д., также будет способствовать более глубокому пониманию роли воспринимаемого контекста в процессе аккультурации.

Заключение

Настоящее исследование выявило три комплексных предиктора адаптации русских в Эстонии и Кыргызстане, однако лишь один из них (*воспринимаемая инклюзивность контекста*) продемонстрировал достаточную эквивалентность факторной структуры в обеих странах. Другие два комплексных предиктора — *этнокультурная самобытность* и *близость к принимающей стране* — показали слабую конгруэнтность факторных структур, что свидетельствует о различном их «наполнении» в сознании русских Эстонии и Кыргызстана. Объединение индивидуально-личностных и контекстуальных характеристик в единые комплексные переменные позволило показать взаимный вклад особенностей контекста и усилий личности в успешность аккультурации, «расширить» наполнение предикторов адаптации и повысить их предсказательную силу. В дальнейших исследованиях мы планируем проверить действие этих комплексных предикторов в других странах и регионах с целью проверить их универсальность и выявить культурную специфику.

Список литературы

- Велкова, К. (2020). Множественные идентичности русских и болгар: кросс-культурный анализ. *Психологические исследования*, 13(73), 6.
- Лебедева, Н.М., Татарко А.Н. (2009). Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и принимающего населения России. Москва: Изд-во РУДН.
- Лепшокова, З.Х. (2020). Воспринимаемая инклюзивность социального контекста, аккультурация и адаптация мигрантов из Северного Кавказа в Москве. *Общественные науки и современность*, (3), 124–138.
- Национальный состав населения. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2021. URL: <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/312/> (дата обращения: 16.05.2021).
- Рябиченко, Т.А., Лебедева, Н.М., Плотка, И.Д. (2019). Множественные идентичности, аккультурация и адаптация русских в Латвии и Грузии. *Культурно-историческая психология*, 15(2), 54–64.
- Berry, J.W. (2017). *Mutual intercultural relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Berry, J.W. (2020). *Multicultural Ideology Scale Revision*. Unpublished document in progress.
- Berry, J.W., Hou, F. (2016). Immigrant acculturation and wellbeing in Canada. *Canadian Psychology*, 57(4), 254–264. <https://doi.org/10.1037/cap0000064>
- Bosswick, W., Heckmann, F. (2006). Integration of migrants: Contribution of local and regional authorities. European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions. URL: https://www.researchgate.net/publication/297802930_Integration_of_Migrants_Contribution_of_Local_and_Regional_Authorities (access date: 01.01.2006).

- Cheskin, A. (2015). Identity and Integration of Russian Speakers in the Baltic States: A Framework for Analysis. *Ethnopolitics*, 14(1), 72–93. <https://doi.org/10.1080/17449057.2014.933051>
- Droseltis, O., Vignoles, V.L. (2010). Towards an integrative model of place identification: Dimensionality and predictors of in-trapersonal-level place preferences. *Journal of Environmental Psychology*, 30(1), 23–34. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.05.006>
- Estonian Statistical Office. RV0222U: Population by sex, ethnic nationality and county, 1 January, administrative division as at 01.01.2018. Estonian Statistical Office. URL: <http://andmebaas.stat.ee/Index.aspx?DataSetCode=RV0222U> (access date: 27.04.2021).
- Gale, J., Yogeewaran, K., Verkuyten, M. (2021). Bridging (Identification) divides: Ethnic minority endorsement of new diversity ideologies. *International Journal of Intercultural Relations*, (81), 121–130. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2021.01.007>
- He, J., Vijver, F. van de. (2012). Bias and Equivalence in Cross-Cultural Research. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2(2), 1–19.
- Hui, B.P.H., Chen, S.X., Leung, C.M., Berry, J.W. (2015). Facilitating adaptation and intercultural contact: The role of integration and multicultural ideology in dominant and non-dominant groups. *International Journal of Intercultural Relations*, (45), 70–84. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2015.01.002>
- Kodja, E., Ryabichenko, T. (2019). The Relationship Between Social Identities, Acculturation Strategies and the Psychological Well-Being of Young Russians in Latvia and Crimean Tatars in Crimea. URL: <https://ssrn.com/abstract=3495090> (access date: 01.05.2022)
- Kosmarskaya, N. (2014). Russians in post-Soviet Central Asia: more “cold” than the others? Exploring (ethnic) identity under different sociopolitical settings. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 35(1), 9–26. <https://doi.org/10.1080/01434632.2013.845195>
- Kus-Harbord, L., Ward, C. (2015). Ethnic Russians in Post-Soviet Estonia: Perceived Devaluation, Acculturation, Well-Being, and Ethnic Attitudes. *International Perspectives in Psychology*, 4(1), 66–81. <https://doi.org/10.1037/ipp0000025>
- Nimmerfeldt, G. (2011). Sense of Belonging to Estonia. In: R. Vetik, J. Helemäe (Eds.), *The Russian Second Generation in Tallinn and Kohtla-Järve* (pp. 203–228). Amsterdam: University Press.
- Piontkowski, U., Florack, A., Hoelker, P., Obdržálek, P. (2000). Predicting acculturation attitudes of dominant and non-dominant groups. *International Journal of Intercultural Relations*, 24(1), 1–26. [https://doi.org/10.1016/S0147-1767\(99\)00020-6](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(99)00020-6)
- Raudsepp, M. (2009). Ethnic self-esteem and intergroup attitudes among the Estonian majority and the non-Estonian minority. *Studies of Transition States and Societies*, 1(1), 36–51.
- Schmid, K., Muldoon, O.T. (2015). Perceived threat, social identification, and psychological well-being: The effects of political conflict exposure. *Political Psychology*, 36(1), 75–92. <https://doi.org/10.1111/pops.12073>
- Smith, T.B., Silva, L. (2011). Ethnic Identity and Personal Well-Being of People of Color: A Meta-Analysis. *Journal of Counseling Psychology*, 58(1), 42–60. <https://doi.org/10.1037/a0021528>
- Terry, D.J., Pelly, R.N., Lalonde, R.N., Smith, J.R. (2006). Predictors of cultural adjustment: Intergroup status relations and boundary permeability. *Group Processes and Intergroup Relations*, 9(2), 249–264. <https://doi.org/10.1177/1368430206062080>
- Valk, A. (2018). Miks ja kuidas hoida oma päritolu identiteeti? *Mitmekeelne Haridus*, (2), 5–9.
- Verkuyten, M., Martinovic, B. (2012). Immigrants' National Identification: Meanings, Determinants, and Consequences. *Social Issues and Policy Review*, 6(1), 82–112. <https://doi.org/10.1111/j.1751-2409.2011.01036.x>
- Verkuyten, M. (2007). Religious group identification and inter-religious relations: A study among Turkish-Dutch Muslims. *Group Processes & Intergroup Relations*, 10(3), 341–357. <https://doi.org/10.1177/1368430207078695>
- Verkuyten, M. (2009). Self-esteem and multiculturalism: An examination among ethnic minority and majority groups in the Netherlands. *Journal of Research in Personality*, 43(3), 419–427. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2009.01.013>
- Verkuyten, M., Reijerse, A. (2008). Intergroup structure and identity management among ethnic minority and majority groups: The interactive effects of perceived stability, legitimacy, and permeability. *European Journal of Social Psychology*, (38), 106–127. <https://doi.org/10.1002/ejsp>
- Verkuyten, M., Thijs, J. (2002). Multiculturalism among minority and majority adolescents in the Netherlands. *International Journal of Intercultural Relations*, 26(1), 91–108. [https://doi.org/10.1016/S0147-1767\(01\)00039-6](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(01)00039-6)
- Ward, C., Geeraert, N. (2016). Advancing acculturation theory and research: The acculturation process in its ecological context. *Current Opinion in Psychology*, (8), 98–104. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2015.09.021>
- Ward, C., Kim, I., Karl, J.A., Epstein, S., Park, H.J. (2020). How Normative Multiculturalism Relates to Immigrant Well-Being. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 26(4), 581–591. <https://doi.org/10.1037/cdp0000317>
- Watters, S.M., Ward, C., Stuart, J. (2020). Does normative multiculturalism foster or threaten social cohesion? *International Journal of Intercultural Relations*, (75), 82–94. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2020.02.001>
- Wolsko, C., Park, B., Judd, C.M. (2006). Considering the Tower of Babel: Correlates of Assimilation and Multiculturalism among Ethnic Minority and Majority Groups in the United States. *Social Justice Research*, 19(3), 277–306. <https://doi.org/10.1007/s11211-006-0014-8>
- Zagefka, H., Brown, R. (2002). The relationship between acculturation strategies, relative fit and intergroup relations: Immigrant-majority relations in Germany. *European Journal of Social Psychology*, 32(2), 171–188. <https://doi.org/10.1002/ejsp.73>

References

- Berry, J.W. (2017). *Mutual intercultural relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Berry, J.W. (2020). *Multicultural Ideology Scale Revision*. Unpublished document in progress.
- Berry, J.W., Hou, F. (2016). Immigrant acculturation and wellbeing in Canada. *Canadian Psychology*, 57(4), 254–264. <https://doi.org/10.1037/cap0000064>
- Bosswick, W., Heckmann, F. (2006). Integration of migrants: Contribution of local and regional authorities. European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions. URL: https://www.researchgate.net/publication/297802930_Integration_of_Migrants_Contribution_of_Local_and_Regional_Authorities (access date: 01.01. 2006).
- Cheskin, A. (2015). Identity and Integration of Russian Speakers in the Baltic States: A Framework for Analysis. *Ethnopolitics*, 14(1), 72–93. <https://doi.org/10.1080/17449057.2014.933051>

- Droseltis, O., Vignoles, V.L. (2010). Towards an integrative model of place identification: Dimensionality and predictors of intrapersonal-level place preferences. *Journal of Environmental Psychology*, 30(1), 23–34. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.05.006>
- Estonian Statistical Office. RV0222U: Population by sex, ethnic nationality and county, 1 January, administrative division as at 01.01.2018. Estonian Statistical Office. URL: <http://andmebaas.stat.ee/Index.aspx?DataSetCode=RV0222U> (access date: 27.04.2021).
- Gale, J., Yogeewaran, K., Verkuyten, M. (2021). Bridging (Identification) divides: Ethnic minority endorsement of new diversity ideologies. *International Journal of Intercultural Relations*, 81), 121–130. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2021.01.007>
- He, J., Vijver, F. van de. (2012). Bias and Equivalence in Cross-Cultural Research. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2(2), 1–19.
- Hui, B.P.H., Chen, S.X., Leung, C.M., Berry, J.W. (2015). Facilitating adaptation and intercultural contact: The role of integration and multicultural ideology in dominant and non-dominant groups. *International Journal of Intercultural Relations*, (45), 70–84. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2015.01.002>
- Kodja, E., Ryabichenko, T. (2019). The Relationship Between Social Identities, Acculturation Strategies and the Psychological Well-Being of Young Russians in Latvia and Crimean Tatars in Crimea. URL: <https://ssrn.com/abstract=3495090> (access date: 01.05.2022). <https://doi.org/https://doi.org/10.2139/ssrn.3495090>
- Kosmarskaya, N. (2014). Russians in post-Soviet Central Asia: more “cold” than the others? Exploring (ethnic) identity under different sociopolitical settings. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 35(1), 9–26. <https://doi.org/10.1080/01434632.2013.845195>
- Kus-Harbord, L., Ward, C. (2015). Ethnic Russians in Post-Soviet Estonia: Perceived Devaluation, Acculturation, Well-Being, and Ethnic Attitudes. *International Perspectives in Psychology*, 4(1), 66–81. <https://doi.org/10.1037/ipp0000025>
- Lebedeva, N.M., Tatarko, A.N. (2009). Strategies for intercultural interaction between migrants and the host population of Russia. Moscow: RUDN press. (In Russ.).
- Lepshokova, Z.Kh. (2020). Perceived inclusiveness of the social context, acculturation and adaptation of migrants from the North Caucasus in Moscow. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost' (Social Sciences and Modernity)*, (3), 124–138. (In Russ.)
- National composition of the population. National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic, 2021. URL: <http://www.stat.kg/ru/pendata/category/312/> (access date: 16.05.2021).
- Nimmerfeldt, G. (2011). Sense of Belonging to Estonia. In: R. Vetik, J. Helemäe (Eds.), *The Russian Second Generation in Tallinn and Kohtla-Järve* (pp. 203–228). Amsterdam: University Press.
- Piontkowski, U., Florack, A., Hoelker, P., Obdržálek, P. (2000). Predicting acculturation attitudes of dominant and non-dominant groups. *International Journal of Intercultural Relations*, 24(1), 1–26. [https://doi.org/10.1016/S0147-1767\(99\)00020-6](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(99)00020-6)
- Raudsepp, M. (2009). Ethnic self-esteem and intergroup attitudes among the Estonian majority and the non-Estonian minority. *Studies of Transition States and Societies*, 1(1), 36–51.
- Ryabichenko, T.A., Lebedeva, N.M., Plotka, I.D. (2019). Multiple identities, acculturation and adaptation of Russians in Latvia and Georgia. *Kulturno-Istoricheskaya Psikhologiya (Cultural-Historical Psychology)*, 15(2), 54–64. (In Russ.).
- Schmid, K., Muldoon, O.T. (2015). Perceived threat, social identification, and psychological well-being: The effects of political conflict exposure. *Political Psychology*, 36(1), 75–92. <https://doi.org/10.1111/pops.12073>
- Smith, T.B., Silva, L. (2011). Ethnic Identity and Personal Well-Being of People of Color: A Meta-Analysis. *Journal of Counseling Psychology*, 58(1), 42–60. <https://doi.org/10.1037/a0021528>
- Terry, D.J., Pelly, R.N., Lalonde, R.N., Smith, J.R. (2006). Predictors of cultural adjustment: Intergroup status relations and boundary permeability. *Group Processes and Intergroup Relations*, 9(2), 249–264. <https://doi.org/10.1177/1368430206062080>
- Valk, A. (2018). Miks ja kuidas hoida oma päritolu identiteeti? *Mitmekeelne Haridus*, (2), 5–9.
- Velkova, K. (2020). Multiple identities of Russians and Bulgarians: cross-cultural analysis. *Psikhologicheskiye Issledovaniya (Psychological Research)*, 13(73), 6.
- Verkuyten, M. (2007). Religious group identification and inter-religious relations: A study among Turkish-Dutch Muslims. *Group Processes & Intergroup Relations*, 10(3), 341–357. <https://doi.org/10.1177/1368430207078695>
- Verkuyten, M. (2009). Self-esteem and multiculturalism: An examination among ethnic minority and majority groups in the Netherlands. *Journal of Research in Personality*, 43(3), 419–427. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2009.01.013>
- Verkuyten, M., Martinovic, B. (2012). Immigrants' National Identification: Meanings, Determinants, and Consequences. *Social Issues and Policy Review*, 6(1), 82–112. <https://doi.org/10.1111/j.1751-2409.2011.01036.x>
- Verkuyten, M., Reijerse, A. (2008). Intergroup structure and identity management among ethnic minority and majority groups: The interactive effects of perceived stability, legitimacy, and permeability. *European Journal of Social Psychology*, (38), 106–127. <https://doi.org/10.1002/ejsp>
- Verkuyten, M., Thijs, J. (2002). Multiculturalism among minority and majority adolescents in the Netherlands. *International Journal of Intercultural Relations*, 26(1), 91–108. [https://doi.org/10.1016/S0147-1767\(01\)00039-6](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(01)00039-6)
- Ward, C., Geeraert, N. (2016). Advancing acculturation theory and research: The acculturation process in its ecological context. *Current Opinion in Psychology*, (8), 98–104. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2015.09.021>
- Ward, C., Kim, I., Karl, J.A., Epstein, S., Park, H.J. (2020). How Normative Multiculturalism Relates to Immigrant Well-Being. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 26(4), 581–591. <https://doi.org/10.1037/cdp0000317>
- Watters, S.M., Ward, C., Stuart, J. (2020). Does normative multiculturalism foster or threaten social cohesion? *International Journal of Intercultural Relations*, (75), 82–94. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2020.02.001>
- Wolsko, C., Park, B., Judd, C.M. (2006). Considering the Tower of Babel: Correlates of Assimilation and Multiculturalism among Ethnic Minority and Majority Groups in the United States. *Social Justice Research*, 19(3), 277–306. <https://doi.org/10.1007/s11211-006-0014-8>
- Zagefka, H., Brown, R. (2002). The relationship between acculturation strategies, relative fit and intergroup relations: Immigrant-majority relations in Germany. *European Journal of Social Psychology*, 32(2), 171–188. <https://doi.org/10.1002/ejsp.73>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Анастасия Валентиновна Трифонова, выпускник аспирантуры по психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация, avtrifonova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8780-7859>

Anastasia V. Trifonova, Postgraduate, Doctoral School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, avtrifonova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8780-7859>

Надежда Михайловна Лебедева, доктор психологических наук, профессор департамента психологии факультета социальных наук, научный руководитель Центра социокультурных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация, nlebedeva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2046-4529>

Nadezhda M. Lebedeva, Dr. Sci. (Psychology), Academic Supervisor of the Centre for Sociocultural Research, Professor at the Faculty of Social Science, School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, nlebedeva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2046-4529>

Поступила: 09.07.2022; получена после доработки: 24.08.2022; принята в печать: 02.02.2024.
Received: 09.07.2022 revised: 24.08.2022; accepted: 02.02.2024.